

**Выступление Президента Федеративной Республики
Германия Франка-Вальтера Штайнмайера по случаю
вручения Рахель Саламандер
премии им. Генриха Гейне-2020
29 августа 2021 года
г. Дюссельдорф**

Список лауреатов, которых город Дюссельдорф за последние без малого 50 лет награждал премией им. Генриха Гейне, внушает уважение и почти уже благоговение: первый лауреат Карл Цукмайер, Рихард фон Вайцзекер, Ханс Магнус Энценсбергер, Амос Oz, Юрген Хабермас. В этот перечень воистину славных имен теперь вписано имя Рахель Саламандер – благодаря делу всей ее жизни, которое по праву займет место в списке заслуг, отмеченных торжественно вручаемой сегодня премией.

Рахель Саламандер была и продолжает оставаться одной из значимых личностей, которые делают возможной интеллектуальную жизнь в Германии на протяжении последних десятилетий. Ее успешная деятельность заключается в первую очередь в том, что во всех своих начинаниях она никогда не находится в центре внимания, а всегда дает возможность раскрыться другим.

Дорогая Рахель Саламандер,

всем нам, кто интересуется культурной и духовной жизнью, Вы преподнесли подарок, который, пожалуй, могли преподнести только Вы. Ваша увлеченность, Ваш шарм, Ваша энергия, в равной степени как и Ваше умение дружить, пылливость ума и организационный талант открыли нам доступ к миру литературы, к миру авторов и книг, доступ к миру мыслей и ощущений, который без Вашего участия был бы невозможен. Мир литературы – это Ваш мир. То, что для многих этот «мир литературы» стал доступен и осязаем, связано не в последнюю очередь и с тем, что Вы на протяжении многих десятилетий, и отнюдь не только в качестве редактора одноименного литературного приложения, открывали этот доступ.

Рахель Саламандер благодаря присущей только ей манере, является современным олицетворением тех открывателей возможностей, олицетворением тех умеющих воодушевлять воодушевителей, которых Бертольт Брехт в своем знаменитом стихотворении «Легенда о возникновении книги «Дао Дэ Цзин» на пути Лао Цзы в эмиграцию» прославил в образе таможенника, который заинтересовался мудростью мудреца, желавшего пересечь границу. Мудрец же надиктовал свое учение мальчишке, и возникла книга, которую может прочитать каждый. Свое стихотворение Брехт заканчивает известными словами:

Истинно, философ – выше знати.
Мысли мудрых всюду люди чтут.
Мы ж того, кто смог заставить
записать их, -
Вспомнили таможенника тут -
В «Дао» он вложил свой труд!

Рахель Саламандер смогла заставить записать свои мудрые мысли выдающегося ученого прошлого столетия. Или если быть точнее: записать путь ученого к своим мудрым мыслям, а именно историю его жизни и мыслей, его встреч и познаний и, тем самым, историю целой культуры.

Я имею в виду Ханса Йонаса, известного всем как автора «Принципа ответственности». Рахель Саламандер удалось вместе со своим мужем Штефаном Заттлером в конце концов убедить Ганса Йонаса, давно перешагнувшего 80-летний рубеж, еще раз поведать ей историю своей жизни. Его повествование было записано на пленку и затем перенесено на бумагу.

Без Вашего терпения и упорства, без Вашего дружелюбия и самоотдачи нам не довелось бы стать читателями этих замечательных жизненных воспоминаний Ганса Йонаса. Воспоминания великого философа в очередной раз возвращают к жизни неповторимый и безвозвратно утерянный мир немецкой и еврейской культуры во всей ее полноте и богатстве, но и напоминают о его разрушении. «Вспомнили таможенника тут - В «Дао» он вложил свой труд!» Если бы Рахель Саламандер сделала возможным издание всего лишь этой книги, то уже одним этим она заслужила бы любую премию.

В своем предисловии Рахель Саламандер как бы вскользь рассказывает о той культуре, которая наложила свой отпечаток на Ганса Йонаса, и дает нам возможность увидеть то, что на протяжении всей ее жизни приковывало ее внимание и что вдохновляет ее и движет ею и по сей день:

«В образованных кругах довоенной поры было принято, что еврейские мальчики из хорошей семьи досконально знали стихи Гёте

и Шиллера, как, разумеется, и Гейне. Ганс Йонас в отпущенные нам до его смерти годы на званых вечерах впечатлял гостей хранившейся в его памяти кладезью сокровищ немецкой культуры».

В истории Ганса Йонаса еще раз наглядно и осязаемо прослеживается огромная страсть немецких евреев к немецкой культуре и незаменимый вклад евреев в эту культуру. Мы знаем, как быстро самопровозглашенные «национальные авторы» объявили немецких евреев чужими, с каким ядом антисемиты на протяжении поколений делали свое дело и с какой жестокостью все было разрушено в последствии. Также мы знаем, как преследовали, убивали, доводили до самоубийства или вынуждали покинуть страну всех тех выдающихся представителей еврейской культуры и какую невосполнимую утрату понесла вследствие этого Германия.

Для Рахель Саламандер очарование этой культурой и ее представителями было и есть настолько велико, что она посвятила свою жизнь непрерывному транслированию этой культуры и прежде всего литературы. Поэтому сопоставление с таможенником из стихотворения Брехта хромот, поскольку Рахель Саламандер никак нельзя назвать таможенником, следящим за тем, чтобы ничто недозволенное не было переправлено через границу. Все скорее наоборот: Рахель Саламандер не признает шлагбаумов и границ между культурами. Она снова и снова открывала эти границы и шлагбаумы и не дает им закрыться. А если понадобится, она может быть искусным и опытным контрабандистом, который позаботится о том, чтобы неведомый контрабандный груз – новинки интеллектуальной жизни или забытое, вытесненное духовное наследие – пересекал границы.

Контрабанда эта интеллектуальная, немного как в стихотворении Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка», где ее шерстит при пересечении границы «пруссский досмотрщик»:

Всё перенюхали, рылись до дна
В рубашках и панталонах,
Искали кружев, вещей золотых,
А также книг запрещённых.

Глупцы! Чего в чемодане искать!
Ведь там ничего не найдётся.
Моя контрабанда в моей голове
Повсюду со мной везётся. [...]

И смею уверить, немало в ней
Есть также и книг схоронённых;
Моя голова — это птичье гнездо
Щебечущих книг запрещённых.

Создав свой книжный магазин в Мюнхене, Рахель Саламандер открыла официальную торговлю этим совершенно особым, ценным и

почти исчезнувшим контрабандным товаром. Сама Рахель Саламандер по этому поводу говорит: «Почти 50 лет после того, как книготорговля в Германии была очищена от евреев, у меня возникло желание открыть свой книжный магазин, специализирующийся на еврейской литературе, помочь восстановить хотя бы еврейский духовный мир, собрать все то, что сохранилось в словах и рукописях и таким образом помочь вновь обрести гражданство всем тем, кто был изгнан и сожжен».

Ее голова точно также была и продолжает оставаться «щебечущим птичьим гнездом» книг и литературы, как и голова автора «Зимней сказки». Рахель Саламандер неустанно выполняет свою роль посредника, неустанно помогает людям в общении, неустанно сводит людей с книгам, а книги – с людьми. И то, что такое посредничество само по себе в значительной мере является культурной деятельностью, Рахель Саламандер доказывает убедительнее, чем кем бы то ни было. Рахель Саламандер не просто создала книжный магазин. Правильнее было бы сказать, что вся ее жизнь и деятельность – это книжно-литературный промысел.

Говоря о Рахель Саламандер, еще одно словосочетание следует употреблять во всей полноте его значения: присутствие духа. Это присутствие духа проявляет себя в цепкости ума и способности распознавать взаимосвязь в вещах, на первый взгляд совершенно далеких друг от друга. Но прежде всего это факт, что интеллектуальная деятельность имеет для нее смысл только тогда, когда она имеет значение непосредственно в момент мышления, в момент жизни, когда она значима в настоящем.

Неустанно, непоколебимо, в свойственной лишь ей манере Рахель Саламандер сохраняет живым особое наследие еврейской культуры. По случаю вручения ей премии им. Фридриха Шиллера города Марбах Франк Ширрмахер в своем очень личном выступлении отметил: «Она воплощает в себе то, что встречается по-настоящему редко, тем более в 2013 году в Германии: прекрасное довоенное сочетание кофейни, философского клуба и мировой сцены, мир общения Йозефа Рота и [Фридриха] Торберга, Элиаса Канетти, тот мир, который только невежды считают непродуктивным».

Франк Ширрмахер сказал о Рахель Саламандер, что «она собирает идеи и вдохновение как моторное топливо», предложив забавный и вместе с тем очень точный образ, который в совсем ином контексте использовал Вальтер Беньямин. Этот образ очень хорошо подходит к часто скрытой, но от этого не менее эффективной деятельности Рахель Саламандер в так называемой литературной среде: «Никто не будет вставать к турбине и заливать ее машинным маслом. Обычно мы лишь немного впрыскиваем в тайные заклепки и пазы, которые нужно знать».

Способность в нужный момент сделать или предложить единственно правильное, в нужное время собрать в нужном месте нужных людей – эта способность всегда отличает Рахель Саламандер во всем, что она делает. И здесь следует добавить, что этой чертой обладает именно человек, родившийся в лагере для «перемещенных лиц» и долгие годы после войны ощущавший себя в Германии отвергнутым, лишним, в то время как виновные и их пособники уже давно снова заняли свое признанное место в обществе.

«У меня не было родины по рождению. Мой официальный статус был иностранное лицо без гражданства. Понадобилось более 40 лет, пока федеральные органы Германии не предложили перемещенным лицам принять их в гражданство без бюрократических препон».

Именно она, Рахель Саламандер, иностранка без гражданства, которая говорила на идише и при поступлении в народную школу не знала ни слова по-немецки, именно она распахнула нам в Германии двери в мир еврейской культуры, которую мы смогли осознать и заново открыть для себя как часть нашей утраченной родины, нашего совместного духовного и культурного происхождения.

Сама Рахель Саламандер впервые ощутила свою принадлежность к другим на Рождество. «Мне еще не было и шести, когда я, еврейский ребенок, из лагеря для перемещенных лиц в Фёренвальде, отправилась в большое путешествие в Вольфсратсхаузен, чтобы на Рождество сыграть на скрипке перед немецкой публикой адажио Генделя. Сегодня я знаю, что тогда было положено начало моему пути в общество тогдашней западной Германии».

Очень волнующе видеть, какой долгий путь необходимо было проделать, чтобы ощутить как данность ту сопряженность немецкого и еврейского, которая на рубеже веков была само собой разумеющейся для Вальтера Беньямина, ребенком жившего в Берлине. У него это переживание тоже связано с христианским Рождеством: «Шарманки во дворах, наигрывая хоралы, тянули и тянули эти последние дни и часы [...] Я ждал у себя в комнате, когда наконец пробьет шесть. Ни в одном празднике взрослой жизни нет подобного часа, трепещущего, как стрела, в сердце дня».

Какая бездна варварства и разрушения – разрушения, принесенного христианами – разделяет эти два детских воспоминания о Рождестве! И почти невозможно представить себе, какая бездна разделяет прежнюю данность тесного сосуществования немцев и евреев и данность, которую приходилось осторожно заново открывать для себя, заново завоевывать, – данность отнюдь не само собой разумеющуюся.

Только если мы заглянем в эту бездну, мы сможем осознать, чем мы обязаны Рахель Саламандер и делу ее жизни. «Еврейский мир ушедших дней», который она раскрыла перед нами, – это мир отнюдь не чужой, он – наше общее происхождение, наша общая родина.

Тот, кто желает непрестанно, снова и снова открывать для себя эту общую родину, может вместе с Рахель Саламандер отправиться в воображаемое путешествие к великим именам, которые она хранит для нас: в путешествие к бесподобной Габриэле Тергит в мир еврейской буржуазии ее «Эффингеров», к Эрнсту Блоху и Теодору Адорно, Паулю Целану и Эльзе Ласкер-Шулер, Вальтеру Беньямину и Зигмунду Фрейдю, Францу Розенцвейгу и Мартину Буберу, Гершому Шолему и Ханне Арендт, Марселю Райх-Раницкому и Норберту Элиасу, Гансу Залю и Ильзе Айхингер, Билли Уайлдеру и Палу Абрахаму, к Гансу Йонасу, Нелли Закс и Зигфриду Кракауэру.

Можно было бы перечислять еще долго, и мы все равно не дошли бы до тех, кому, как Францу Кафке, не привелось пережить ужас произошедшего, как, и до тех, благодаря кому еврейская культура в Германии живет в наши дни. В наши дни, когда мы снова сталкиваемся с проявлениями антисемитизма, а в культурной сфере зачастую с антисемитизмом, замаскированным под критику в адрес Израиля. В наши дни, когда еврейской общине снова приходится переживать устрашающую неуверенность и растерянность перед лицом проявлений ненависти современного пошиба. Возмущение этой ненавистью должно быть общим, ведь только так оно сможет сплотить нас. Наш долг – дать отпор сообщу, защищая друг друга, а не только самих себя!

Рахель Саламандер, однажды изгнанница, в жизни сама искавшая свое место и нашедшая нечто вроде родины, понимает свою деятельность не только как сохранение ценного наследия. Родина – это то место, где необходимо вмешиваться в конкретные обстоятельства. Родина – это то место, где необходимо противодействовать любым формам расизма и антисемитизма. Родина – это то место, где необходимо признать, что другие могут быть совершенно другими, но обладать равным достоинством и равными правами.

Дорогая Рахель Саламандер, сегодня мы награждаем Вас премией им. Генриха Гейне. Но мы знаем, что бóльшей наградой для Вас будет наша способность осознавать еврейскую культуру в Германии не только как часть нашего прошлого, а как часть нашего настоящего и будущего, так как это делаете Вы.